

— Всего несколько дней, не так уж и долго.

Шэнь Цинчжоу, чей медитативный покой так бесцеремонно нарушили, пребывал в дурном расположении духа. Его резкий, колючий тон стал ответом на приветствие Чжоу Фу.

Чжоу Фу по-прежнему не поднимал головы. Он лишь помолчал немного, а затем глухо уронил короткое согласие.

Шэнь Цинчжоу огляделся. Ну конечно, он снова очутился на этой странной Алтарной террасе императоров. Одно радовало — на сей раз не пришлось карабкаться сюда пешком.

Опустившись на каменные плиты прямо напротив Чжоу Фу, он постарался придать голосу максимально ровное, спокойное звучание:

— Зачем ты призвал меня в такой спешке? Что-то случилось?

«Призвал, — Шэнь Цинчжоу мысленно усмехнулся собственному слову. — Слово у меня был выбор!»

Этот загадочный затворник бесцеремонно утягивал его сознание во сне, легко прерывал глубокое сосредоточение во время духовных практик. Наверное, иди он средь бела дня по оживленной дороге — Чжоу Фу и тогда без труда уволок бы его в свое сонное царство.

— Ты злишься? — негромко спросил Чжоу Фу.

Какая поразительная прямота! Разве так разговаривают с людьми? Шэнь Цинчжоу едва сдержал искушение ощутимо пнуть собеседника, но вслух произнес лишь:

— Нет.

— Злишься, — с абсолютной уверенностью качнул головой Чжоу Фу.

— Да не злюсь я, — Шэнь Цинчжоу глубоко, до дрожи в груди вдохнул прохладный воздух, сохраняя на лице маску полнейшего бесстрастия.

— Оу, — Чжоу Фу потеревил пальцами край широкого рукава. По его лицу было решительно невозможно понять, поверил он или нет.

— Так зачем я здесь? — повторил вопрос Шэнь Цинчжоу.

За время их коротких встреч он успел немного изучить нрав Чжоу Фу. Тот казался невероятно

могущественным и таинственным, но в глубине души оставался простым как ребенок: все его помыслы отражались во взгляде или сразу срывались с губ. И пока этот человек не выказывал враждебности, Шэнь Цинчжоу мог чувствовать себя в относительной безопасности.

Немного помолчав, Чжоу Фу признался:

— Никаких важных дел. Мне просто хотелось тебя увидеть.

— И что во мне такого интересного? — вздохнул Шэнь Цинчжоу.

«Очень даже красивый»

Сказать это вслух Чжоу Фу не осмелился — лишь безмолвно запечатлел эту мысль в глубине своего сердца.

Шэнь Цинчжоу встряхнул рукавом халата и, протянув вперед правую руку, выставил запястье прямо под нос собеседнику. Черный узор, напоминающий очертания горного пика, отчетливо выделялся на бледной коже.

— Твоих рук дело?

Чжоу Фу послушно кивнул:

— Моих.

Шэнь Цинчжоу едва слышно фыркнул, отнял руку и неторопливо расправил складки одежды, решив не раздувать спор.

Чжоу Фу несмело приподнял голову. Он медленно обвёл взглядом плиты, ненадолго задержался на тонкой талии Шэнь Цинчжоу, на миг скользнул в сторону, а затем посмотрел на аккуратно уложенный воротник его одеяния.

— Не беспокойся, — заговорил Чжоу Фу, который то и дело смотрел на изящную, открытую линию шеи юноши, но так и не решался поднять взгляд выше. — Этот знак — лишь частица моей духовной сути. Он не причинит тебе вреда, а только укрепит твои силы.

Шэнь Цинчжоу ощутил, как к горлу подкатывает глухое раздражение.

По правде говоря, иметь дело с подобным человеком должно быть невероятно легко — Чжоу Фу не ведал лукавства и интриг. Но в то же время этот странный затворник ухитрялся всего парой фраз заставить Шэнь Цинчжоу сомневаться в собственном здравомыслии. И в этом тоже

крылся своего рода уникальный талант.

По-хорошему, злиться следовало всерьез. Чжоу Фу без спроса оставил на его теле метку, заставившую Шэнь Цинчжоу пережить немало тревожных минут. Но его манера говорить, эта обезоруживающая искренность лишали всякого желания ругаться. Казалось, обижаться на него — все равно что обижать невинное дитя. Вся досада сама собой сошла на нет.

— Если вздумаешь сотворить нечто подобное впредь, предупреждай заранее, — лишь вздохнул Шэнь Цинчжоу.

Чжоу Фу закивал с такой частотой, что его длинные волосы растрепались. Смирненно опустив глаза, он пробормотал оправдание:

— Прости... Я побоялся, что ты откажешься, поэтому промолчал. В следующий раз я непременно спрошу твоего согласия.

«Значит, следующий раз все-таки будет», — Шэнь Цинчжоу не знал, плакать ему или смеяться.

Сейчас этот безумный затворник оставил ему защитную метку и прилив сил. А что он выкинет в следующий раз?

Этот Чжоу Фу сочетал в себе черты самого послушного слуги и самого несносного мерзавца.

— Ты сказал, что хотел повидаться. Повидался. Теперь я могу вернуться? — спросил Шэнь Цинчжоу.

Стоило этим словам прозвучать, как Чжоу Фу мгновенно напрягся. Его плечи одеревенели, а губы упрямо сжались. Лишь спустя долгую минуту он заставил себя расслабиться, словно набрался смелости перед важным шагом.

— Вообще-то да... — тихо произнес Чжоу Фу. — Но я бы хотел поговорить с тобой подольше.

«Ясно, значит, меня пока никто не отпустит», — констатировал про себя Шэнь Цинчжоу.

— О чем же говорить? — вздохнул он. — Мне нужно вернуться в сознание до ужина.

— О чем угодно! — поспешно выпалил Чжоу Фу. — Мне просто... очень важно слышать твой голос!

Шэнь Цинчжоу посмотрел на него с теплотой. Бедный парень, должно быть, совсем изнывал от одиночества на этой заброшенной вершине. На Алтарную террасу императоров веками не

ступала нога смертного, и встретив живую душу, затворник отчаянно пытался удержать её хотя бы разговором.

— Давно ты сидишь на этой террасе? — с невольной мягкостью в голосе спросил Шэнь Цинчжоу, глядя на смутившегося собеседника.

— Очень давно, — виновато понурил голову Чжоу Фу. — Прости, я совсем потерял счет годам.

Шэнь Цинчжоу решил зайти с другого боку:

— А кто правил Поднебесной, когда ты только прибыл сюда?

Одеяние Чжоу Фу выдавало в нем уроженца эпохи Цинь или Хань — широкие рукава с узкими обшлагами и характерный вырез нижнего платья были излюбленным фасоном тех лет. Значит ли это, что он застал ту далекую эпоху? Неужели древние совершенствующиеся действительно способны жить так долго?

Чжоу Фу поднял взгляд к пепельно-серому небу своего сонного мира. Он нахмурился, словно пытался отыскать в памяти давно позабытые образы.

— Не помнишь? — спросил Шэнь Цинчжоу.

— Нет, почему же, помню, — Чжоу Фу заговорил чуть быстрее, явно желая доказать, что его рассудок не помутился от древности. — Вот только тогда еще не существовало титула «император». Правителем тогда был Великий Юй.

— Кто-то из предков? — Шэнь Цинчжоу опешил. Он перебирал в уме девизы правления ханьских владык, но имя «Юй» никак не укладывалось в его историческую картину.

Чжоу Фу выпрямился и отчетливо, отдельно произнес:

— Великий Юй.

Юй, из рода Сы, по имени Вэньмин. Правитель династии Ся, правнук Черного Императора Чжуаньсюя и прапраправнук самого Желтого Императора Сюаньюаня...

Шэнь Цинчжоу застыл на месте с пустым взглядом.

— Ты хоть понимаешь... сколько тысячелетий назад жил Великий Юй? — едва выговорил он.

— Не знаю. Я никогда не считал, — невозмутимо отозвался Чжоу Фу.

— Больше четырех тысяч лет! — Шэнь Цинчжоу поднял перед его лицом четыре пальца. Его голос дрогнул от изумления, едва не разрушив привычную маску благородной сдержанности.

Чжоу Фу скромно сложил руки перед собой, всем своим видом выказывая покорность и послушание.

Но тут Шэнь Цинчжоу осенила внезапная догадка.

— Стой, а почему на тебе тогда эти одежды? — подозрительно прищурился он. Крой халата слишком явно принадлежал к эпохе Хань.

— А, это... — Чжоу Фу окинул взглядом собственное платье. — Я просто скопировал облик последнего человека, который забрел сюда до тебя.

«Последнего человека...» Но ведь и с тех пор минуло почти две тысячи лет!

Шэнь Цинчжоу не нашел слов.

Бесконечная череда веков. Все это время Чжоу Фу в полном одиночестве нес свою стражу на пустынной вершине Куньлуня. Суровая тишина Алтарной террасы императоров оберегала его покой, и лишь изредка ему удавалось мельком взглянуть на проплывающие мимо картины смертного мира, к которому он больше не принадлежал.

Пока Шэнь Цинчжоу пребывал в глубокой задумчивости, опустив голову, Чжоу Фу осмелился взглянуть на него. Он скользнул взглядом по шелковистым прядям волос, спадающим на грудь юноши, и посмотрел ему в лицо.

Судорожно сжав пальцами ткань халата на коленях, затворник смотрел на гостя с затаенным, жарким обожанием — столь неистовым, словно в его глазах отразилось полуденное солнце. Но стоило Шэнь Цинчжоу шевельнуться, как Чжоу Фу поспешно отвел взгляд, испугавшись, что тот заметит запретную, тщательно скрываемую нежность.

«Твои брови подобны молодым ивовым листьям, что распускаются в благодатный весенний день. Твои волосы — словно крылья ворона, пролетающего сквозь зимнюю стужу над высокими теремами. А ресницы, дрожащие в полумраке террасы, кажутся бабочками, готовыми вот-вот взмыться ввысь»

Тонкая переносица виделась ему укрытой туманом горной вершиной, а алые губы — первыми цветами дикой сливы, расцветшей среди вечных снегов. Чжоу Фу казалось, что ему не хватит всех слов земного языка, чтобы описать хотя бы малую долю этой красоты. Ему было все равно, насколько наивными или простыми могут показаться его мысли. Он лишь хотел собрать воедино все прекрасное, что когда-либо видел мир, сравнить с обликом этого человека и с тихой радостью шепнуть самому себе: «Всё это не стоит и волоска с твоей головы».

Нет, нельзя позволять себе подобные мысли.

— Тебе пора возвращаться, — с трудом выдавил Чжоу Фу, его горло судорожно сжалось.

Шэнь Цинчжоу недоуменно взглянул на внезапно похолодевшего затворника. Не став расспрашивать о причинах такой резкой перемены, он молча поднялся и направился прочь с Алтарной террасы. Стоило ему ступить на последнюю каменную ступень, как его силуэт медленно растворился в белесой дымке.

Чжоу Фу долго смотрел на то место, где только что стоял юноша, а затем с силой зажмурился. На его бледном лице застыла горькая гримаса, в которой смешались безграничное счастье и глухая тоска.

«Нельзя, — заклинал он себя. — Чжоу Фу, тебе нельзя об этом даже помышлять»

И Алтарная терраса императоров вновь погрузилась в вековое безмолвие.

Сознание Шэнь Цинчжоу долго блуждало в сером тумане, пока резкое чувство падения не заставило его распахнуть глаза. Очнулся он в полумраке каюты на борту летящего судна.

На лбу выступила холодная испарина.

Медленно потирая запястье, отмеченное горным узором, он раз за разом восстанавливал в памяти недавний разговор, стараясь не упустить ни одной мелочи.

Отношение Чжоу Фу не давало ему покоя. Этот древний практик вел себя так, словно обрел давно потерянную драгоценность — трепетно, робко, страхась сделать лишний шаг.

Шэнь Цинчжоу с самого детства знал, что в его жилах не течет кровь клана Цинь. Но тепло домашнего очага значило для него куда больше, чем кровное родство, и он никогда не стремился отыскать настоящих родителей.

Но почему среди тысяч людей Чжоу Фу выбрал именно его?

Шэнь Цинчжоу на миг затаил дыхание.

«Неужели... этот человек знает тайну моего рождения?»

При следующей встрече нужно непременно спросить его об этом.

Цзоучэн

На рассвете следующего дня духовный ковчег бесшумно завис в небе над Цзоучэном.

Адепты клана Цинь во главе с предводителем начали спускаться по трапу, где их уже ожидала торжественная делегация из Поместья Чистой Святости.

В первых рядах шествовали глава семьи Цинь Жуй, старшая молодая мисс Цинь Сыминь и несколько влиятельных старейшин. Шэнь Цинчжоу держался чуть позади, ведя за собой Тань Ци. Чтобы этот непоседливый юноша не натворил глупостей, Шэнь Цинчжоу всю дорогу крепко удерживал его за рукав, скрывая этот жест под широкими складками собственных одежд.

Поместье Чистой Святости славилось своими великолепными садами, которые редко открывали для посторонних глаз. Однако глава поместья Мэн Су вел себя так, словно визит гостей из клана Цинь был лишь дружеским визитом вежливости. Он благосклонно принял подношения и радушно предложил прибывшим насладиться живописными видами ранней осени.

Цинь Жуй не стал отказываться от прогулки. Выбрав несколько человек для сопровождения, среди которых оказался и Шэнь Цинчжоу, он отправился вслед за хозяином. Тань Ци и остальных адептов вежливо проводили в гостевые покои для отдыха.

Сам Тань Ци, втайне опасавшийся нарушить строгий этикет, в глубине души радовался такой передышке. Однако, оглядевшись, он заметил, что помимо Шэнь Цинчжоу глава клана взял с собой и молодого господина Цинь Сышэня, с которым Тань Ци уже доводилось встречаться. Вокруг остались лишь незнакомые лица, отчего юноша мгновенно погрузился.

Мэн Су неторопливо окинул взглядом свиту гостей и, вновь обратившись к Цинь Жую, с вежливой улыбкой указал рукой на уходящую вглубь сада тропинку:

— Брат Линьшу, прошу, проходи.

Линьшу — второе имя Цинь Жую, восходящее к древней легенде о благовещем цилине, принесшем священные свитки. Отношения между главами двух столь влиятельных семейств едва ли можно было назвать близкими настолько, чтобы безмятежно обмениваться дружескими именами. Это обращение со стороны Мэн Су служило явным политическим жестом.

Тем самым он давал понять: пусть помолвка между их детьми и расторгнута, Поместье Чистой Святости не затаило обиды на клан Цинь с острова Пэнлай и по-прежнему надеется на

укрепление союза в иных делах. Цинь Жуй, будучи у руля своего рода уже не первое десятилетие, прекрасно читал подобные намеки между строк.

Вернув любезную улыбку, он ответил:

— Прошу вас, брат Боянь.

Мэн Су, чьим вторым именем было Боянь, благосклонно кивнул.

В свите Цинь Жуя не было глупцов. Даже те, кто не до конца уловил скрытый смысл этой изящной пикировки, сохраняли безупречно бесстрастное выражение лиц.

Тем временем Мэн Су подозвал одного из слуг и негромко отдал приказ:

— Ступай разузнай, чем занят молодой глава. К нам прибыли столь важные гости, а этот негодник до сих пор не соизволил явиться для приветствия.

Повернувшись к Цинь Жую, он сокрушенно вздохнул и сложил ладони в извиняющемся жесте:

— Прошу простить моего непутевого сына за эту оплошность. Я сам приношу вам извинения за его невольную дерзость.

— Ну что вы, — поспешно успокоил его Цинь Жуй, умело сглаживая неловкость. — Молодой глава Мэн известен своим прилежанием и трудолюбием. Должно быть, его задержали дела особой важности. Не то что мой оболтус — только и думает, как бы увильнуть от обязанностей да побегать.

Мэн Су в ответ нашел несколько лестных слов для Цинь Сыюаня. Ведь какими бы нелестными эпитетами отец ни награждал собственного отпрыска в семейном кругу, постороннему человеку поддакивать в таких вещах не пристало по законам приличия.

Цинь Сыминь следовала за отцом на полшага позади. Что бы ни звучало в этих светских разговорах, её точеное лицо оставалось совершенно бесстрастным.

А в это самое время молодой глава Поместья Чистой Святости Мэн Сю увлеченно следил за тем, как его младший брат Мэн Чуань выводит иероглифы на рисовой бумаге.

Шестилетний Чуань-эр, пухлый и неуклюжий малыш, едва удерживал в крохотных пальцах тяжелую кисть. Но, несмотря на возраст, ему уже приходилось часами простаивать у своего

маленького столика, переписывая древние трактаты.

Его старший брат сидел рядом на корточках, упершись локтями в колени и подперев щеки ладонями, отчего его обычно благородное лицо забавно сморщилось.

Чуань-эр, будучи обычным ребенком, давно истомился от скуки. Он заговорщически блеснул темными глазками и, стараясь казаться невинным, спросил:

— Брат, там ведь приехали гости из клана Цинь. Разве ты не должен пойти и встретить их?

Мэн Сю даже не поднял головы:

— Не твоя забота. Пиши давай, не отвлекайся.

— Ну брат! — разочарованно протянул малыш, не умея скрывать своих истинных желаний. — Мне так хочется взглянуть на будущую невестку! Я ведь её еще ни разу не видел.

— Не переживай, — равнодушно отозвался Мэн Сю. — Очень скоро она перестанет быть твоей невесткой.

В его тоне сквозило ледяное безразличие.

Подумаешь, писать иероглифы целый день! Раз уж он сам в детстве прошел через эти мучения, то и младшему брату поблажек ждать не стоит.

<http://bllate.org/book/18428/1779574>